

Дмитрий Николаев

DOI: 10.31648/apr.4401

Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН в Москве

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-8449-4682>

ddnikolaev@mail.ru

Образ писателя в публицистике Ивана Бунина 1920 г.

Образ писателя играет в публицистике И.А. Бунина важнейшую роль. Это и образ автора, ведущего словом ожесточенную борьбу с теми, кого он считает предателями родины и русской культуры, и образы тех писателей, кто пошел на службу к большевиками или просто готов так или иначе поддерживать их, «новых советских писателей», и образы писателей уже умерших, к жизни и творчеству которых обращается Бунин.

Если мы составим список писателей – русских и зарубежных – упоминающихся или процитированных в публицистике Бунина разных лет, то он будет весьма внушительным, но в первых своих статьях и очерках, написанных в эмиграции, в публицистике 1920 г., Бунин сосредоточивает внимание на одной, центральной фигуре, бьет преимущественно в одну цель. Главной мишенью публицистических выступлений самого значительного писателя русского зарубежья (а Бунин, без сомнения, считает себя таковым, да и большая часть русской эмиграции с ним в этом солидарна) становится крупнейший писатель из числа тех, кто, по мнению Бунина, поддерживает большевиков, – Максим Горький. Серьезное внимание уделяет Бунин и полемике с Гербертом Уэллсом: это связано с той ролью, которую английский писатель играет осенью 1920 г. в ситуации вокруг возможного признания международным сообществом новых властителей России.

Необходимо отметить, что хотя Бунин приезжает во Францию в конце марта 1920 г., его первые публицистические выступления в эмигрантской периодике появляются лишь спустя почти полгода. При этом из художественной прозы осенью 1920 г. печатаются только рассказы, написанные еще до эмиграции, – в журнале «Русский Эмигрант», в газете «Руль» и в «Русском Сборнике» [Николаев 1995; 2001a; 2001b]. Правда, Бунин уже 12 мая обращается к более-менее широкой аудитории во время своего публичного выступления: он читает лекцию о русской революции и один из новых рассказов в «Salle de sociétés savantes». Парижская газета «Последние Новости» отмечает, что

лекция вызывает оживленный интерес среди членов русской колонии и будет переведена на французский язык (1920. 12 мая, № 13, 1).

Бунин председательствует на собраниях поэтов – первого, «неформального», русского писательского объединения во Франции, а затем становится председателем Союза русских литераторов и журналистов в Париже, организационное собрание которого прошло 10 июля в помещении «Последних Новостей» под председательством редактора газеты М.Л. Гольдштейна. Бунин сперва вошел в состав избранного для выработки устава временного правления наряду с Гольдштейном, А.Н. Толстым, С.Л. Литовцевым (Поляковым), М.П. Мироновым, Б.С. Мирским и П.Я. Рыссом, а затем уже 3 августа вел заседание правления, на котором Гольдштейн делал доклад о проекте устава, в качестве председателя.

Бунин практически сразу становится ключевой фигурой русской литературы за границей. Русская эмиграция стремится использовать Бунина как человека, способного своим авторитетом объединить спорящих, а то и враждующих между собой политически противников большевиков, и как писателя, к голосу которого прислушивается «международная общественность», чьи слова, направленные против большевиков, невозможно игнорировать. Бунин, несмотря на резкость многих его высказываний, воспринимается как едва ли не единственный из русских писателей, кто может исполнить подобное предназначение: из-за его активной антибольшевистской позиции и из-за того, что за годы гражданской войны он не связал себя с какой-либо определенной политической группой, как это произошло, например, с Д.С. Мережковским. Мережковский, который был в то время тесно связан с властями Польши, сам стремился проявлять себе не столько как писатель, сколько как общественный деятель. 23 марта 1920 г. в «Общем Деле» на первой полосе была опубликована заметка *Мережковский о большевиках*. Корреспондент газеты передавал беседу с приехавшим 3 марта в Варшаву Мережковским, который говорил о большевизме как мировом явлении и предостерегал союзников от заключения мира с большевиками [Мережковский 1920].

Бунин же и в своей публицистике выступал прежде всего как русский писатель, поднимающий голос в защиту униженных, оскорбленных, изгнанных, во славу поруганной и разоренной Родины, против разрушительной, с его точки зрения, власти большевиков.

Бунин-публицист в 1920 г. ожесточенно спорит в первую очередь именно с публицистическими выступлениями писателей-большевиков или «полубольшевиков», если воспользоваться терминологией, принятой на страницах парижской газеты «Общее Дело», в которой в год своего приезда во Францию

преимущественно печатался Бунин. К полубольшевикам редактор-издатель «Общего Дела» Владимир Бурцев в своих многочисленных статьях – а до преобразования газеты в ежедневное издание он являлся и основным ее автором – относил всех, кто так или иначе выступал в защиту большевиков или, по крайней мере, предлагал какую-либо форму сотрудничества с ними, хотя бы и в гуманитарной сфере.

Газета «Общее Дело» выходила в Париже с 17 сентября 1918 г. Владимир Бурцев уже выпускал во Франции газету под таким названием на русском и французском языках («Общее Дело» и «La Cause Commune») в те годы, когда он в эмиграции боролся с царским правительством. По возвращении в Россию Бурцев с 26 сентября по 7 ноября 1917 г. редактировал «Общее Дело» в Петрограде, а затем, вновь оказавшись в эмиграции, продолжил издание в Париже. Большую часть 1920 г. газета выходила не чаще, чем раз в неделю, но в октябре 1920 г. Бурцеву удалось благодаря полученной существенной финансовой поддержке превратить «Общее Дело» в ежедневное издание.

В обращении *К нашим читателям* 15 октября 1920 г. редакция объявляла, что «Общее Дело» – внепартийный демократический орган и внепартийность эта «диктуется жизненной необходимостью»:

С одной стороны, переживания России за последние три года привели к полному развалу всех наших политических партий – не только под давлением большевистского террора, но прежде всего ввиду того, что социальные отношения, психологические особенности и реальные силы сильно изменились на Руси. А с другой стороны – и это для нас самое важное – Россия в смертельной опасности. Для спасения родины необходимо объединение всех русских граждан, которым дороги интересы страны, которые понимают, что прежде всего необходимо побороть большевистскую власть. Вот почему нашим основным лозунгом будет *единение всех государственно-строительных элементов*. (...) Мы будем бороться лишь с большевизмом справа и слева, ибо тот и другой приводят к окончательному развалу России.

Подобные призывы на страницах газеты Бурцева появлялись и прежде, но сам он в роли объединяющей фигуры выступить не смог. Трансформация же в ежедневное издание была связана с превращением «Общего Дела» из газеты Бурцева в печатный орган, в действительности способный выполнять объединяющую роль или, по крайней мере, претендовать на нее. Рядом с редакционным обращением в газете впервые печатается большой список сотрудников, среди которых значится и Бунин.

Первая публикация Бунина в газете появляется 24 сентября 1920 г. – и помещает ее редакция на первой странице прямо под объявлением о том,

что с начала октября «Общее Дело» будет выходить ежедневно, не исключая понедельников и послепраздничных дней. Эти два небольших по объему текста – редакционное объявление и очерк Бунина *О Горьком* – являются и композиционным, и смысловым центром номера, своеобразным сигналом того, что «Общее Дело» становится по-настоящему общим делом.

Из девяти публицистических очерков Бунина, опубликованных в парижской эмигрантской прессе за четыре последних месяца 1920 г., восемь появились на страницах «Общего Дела». (Впервые публицистика Бунина 1918–1953 гг. была собрана в научном издании, подготовленном и осуществленном в 1998 г. О.Н. Михайловым, С.Н. Морозовым, Е.М. Трубиловой и автором данной статьи [Бунин 1998; 2000]). Там же Бунин выступил с программным заявлением и отвечая на анкету «Общего Дела», опубликованную 7 ноября [Бунин 2001, 80–82]).

Ключевой в публицистике писателя 1920 г. становится определившаяся уже в первом его очерке задача противостояния разрушительной, с точки зрения Бунина, агитации Максима Горького в пользу большевиков. Говоря в программной статье об агонии большевизма, редакция «Общего Дела» выдавала желаемое за действительное. В целом ситуация в 1920 г. явно менялась в пользу большевиков. Опубликовано 7 мая в «Известиях» письмо генерала А.А. Брусилова, призывающее русских офицеров и генералов вступать в ряды Красной армии, переговоры Л.Б. Красина в Лондоне с правительством Ллойд Джорджа (Lloyd George) показали, что отношение к советской власти меняется и в России, и в Европе. Большевики успешно реализовывали свои пропагандистские цели, утверждая, что власть коммунистов – власть народная, национальная, прилагающая силы к восстановлению государственности. Важную роль в пропагандистской кампании 1920 г. – вольно или невольно – играл Горький. Его статьи, письма, обращения перепечатывались и широко обсуждались в Европе, а очерк Горького *Владимир Ильич Ленин*, опубликованный 20 июля в журнале «Коммунистический Интернационал» (№ 12, Стб. 1927–1936) и 27 июля в газете «Петроградская Правда» (№ 164, 2) оказал на ход Гражданской войны воздействие сопоставимое с знаменитым «Брусиловским призывом». Брусилов заставил значительную часть русского офицества по-новому увидеть происходящее в России, Горький так же влиял на европейских политиков и европейскую общественность. Именно поэтому Бунин видел свою миссию в том, чтобы противодействовать Горькому, крупнейшему русскому писателю, поддерживавшему власть большевиков.

В очерке *О Горьком* Бунин напоминает, что Горький недавно «разразился новой хвалой Ленину», однако в своем тексте обращается к другим

выступлениям Горького, показывая, как тот противоречит сам себе. Бунин опровергает Горького словами самого Горького, «сталкивая» между собой фрагменты из его очерка *Вчера и сегодня*, напечатанного в мае 1919 г. в первом номере журнала «Коммунистический Интернационал», из речи, произнесенной в Москве в Юридическом обществе в день празднования 50-летия судебных уставов 20 ноября 1914 г., на котором присутствовал и Бунин, и из статьи в газете «Новая Жизнь» от 7 (20) февраля 1918 г. Отмечая, что в «Коммунистическом Интернационале» Горький писал о «планетарном значении тех деяний, кои совершаются русскими честнейшими революционерами», Бунин напоминает, как тот же Горький утверждал, что это – «компания авантюристов, которые ради собственных интересов готовы на самое постыдное предательство родины, революции и пролетариата, именем которого они бесчинствуют на вакантном троне Романовых!» [Бунин 2001, 62].

Статья Бунина строится на цитатах, но Бунин, приводя фрагменты из Горького, не стремится к особой точности, искажая подчас смысл сказанного Горьким. Во-первых, две статьи Горького объединяются в интерпретации Бунина в одну. О «планетарном» значении происходящих в России событий Горький писал в статье *Советская Россия и народы мира*. Во-вторых, статья Горького в «Новой Жизни» цитируется с купюрами, а фрагмент статьи *Вчера и сегодня* («Еще вчера мир считал русских мужиков полудикарями, а ныне идут они к победе за III-м Интернационалом, идут пламенно и мужественно – и каждый должен признать планетарное значение тех деяний, кои совершаются русскими честнейшими революционерами: их честное сердце не колеблется, честная мысль чужда соблазну уступок, честная рука не устанет работать...») в оригинале вообще выглядят иначе:

Впереди народов идут на решительный бой за торжество справедливости бойцы наиболее неопытные и слабые – русские люди, люди страны отсталой экономически и культурно, люди измученные своим прошлым более других. Еще вчера весь мир считал их полудикарями, а сегодня они, почти умирая с голода, идут к победе или на смерть пламенно и мужественно, как старые, привычные бойцы. (...) Каждый честный человек должен признать всемирное значение тех деяний, которые совершаются честнейшими революционерами России. (...) Честное сердце – не колеблется, честная мысль чужда соблазну уступок, честная рука не устанет работать, пока бьется сердце, – русский рабочий верит, что его братья по духу не дадут задуть революцию в России, не позволят воскреснуть всему, что смертельно ранено и издыхает, исчезает, исчезнет, – если великие задачи сегодня будут поняты революционной мыслью Европы [Gor'kij 1919, 29–30].

В первом очерке речь не идет о Горьком как писателе, Бунин не использует этого слова, но в финальном абзаце подчеркнуто противопоставляет себя Горькому: «Думаю, что эту маленькую справку о Лениных и о „брюхе” (мне за нее в стране „планетарных деяний” вырезали бы язык!) стоит прочесть и французам» [Бунин 2001, 62].

Нужно обратить внимание на то, кому адресуется в заключительных словах текст. Небольшой очерк *О Горьком* можно рассматривать как своего рода пролог, сигнал, которым Бунин дает понять, что он вступает в борьбу с большевистской и пробольшевистской пропагандой, что обращается он не только к русским, но и к зарубежной аудитории и что как писатель он ставит перед собою задачу дать ответ в первую очередь именно писателям, поддерживающим большевиков.

На следующий день после публикации очерка *О Горьком* Бунин завершает открытое письмо редактору газеты «Таймс» *Суп из человеческих пальцев* – оно датировано 25-м сентября 1920 г. Это единственное произведение Бунина, опубликованное в 1920 г. не в «Общем Деле», а в другом парижском эмигрантском издании – газете «Свободные Мысли»¹.

«Свободные Мысли» И. М. Василевского (Не-Буквы) когда-то пользовалась большой популярностью в России, являясь одним из первых успешных «понедельников», т.е. изданий, выходивших раз в неделю, по понедельникам, когда многие другие газеты «отдыхали». В 1907–1908 гг. в «Свободных Мыслях» сотрудничали А.Т. Аверченко, П.Д. Боборыкин, А.Н. Будищев, А.А. Измайлов, Н.А. Тэффи, П.М. Пильский, О.И. Дымов, Д.С. Мережковский, С. Горный, Л.Н. Андреев, А.И. Куприн, А.С. Рославлев, К.И. Чуковский, Скиталец, Саша Черный и др. Оказавшись во Франции, Василевский решил возродить свое предприятие, тем более что в Париже находились некоторые писатели, сотрудничавшие в прежней, петербургской газете.

В первом номере «Свободных Мыслей», вышедшем в Париже 20 сентября 1920 г., были напечатаны произведения Аверченко, Тэффи, Куприна, Дон-Аминадо, Л. Галича, Н.М. Минского, К.Д. Бальмонта, А.М. Дроздова и др. А через неделю, во втором номере газеты, Василевский опубликовал «письмо» Бунина. Об истории этого кратковременного сотрудничества Бунин вспоминал в апреле 1921 г. в очерке *Из записной книжки*:

Василевский (...) допек меня такой изнурительно-настойчивой просьбой (и лично, и через А. И. Куприна, и через А. П. Шполянского), дать что-нибудь для «Свободных Мыслей», что я уступил и дал ему «Открытое письмо к редактору

¹ «Свободные Мысли». 1920. 27 сентября, № 2, 2.

газеты Times о супе из чел. пальцев». Тогда Василевский чуть не на коленях благодарил меня за это, выражал свое восхищение не только в словах, но даже в столах, в хватании себя за голову: «Изумительное, потрясающее письмо!»² [Бунин 2001, 111].

Если в первом публицистическом выступлении Бунина в «Общем Деле» было всего восемь небольших абзацев, то *Суп из человеческих пальцев: Открытое письмо к редактору газеты «Таймс»* Ив. А. Бунина занимает в «Свободных Мыслях» почти половину второй – «литературной» – полосы. На этот раз Бунин делает акцент на том, что он выступает именно как писатель – русский писатель. Правда, в самом начале «открытого письма» речь идет о двух других писателях – русском и английском – Горьком и Уэллсе. «Господин редактор, до сведения моего дошло, что русский писатель Горький обратился к английскому писателю Уэллсу с престранным письмом – о супе из человеческих пальцев», – пишет Бунин, приводя затем (вновь с искажениями) текст горьковского письма [Бунин 2001, 63]. Письмо это Горький поместил в том же номере журнала «Коммунистический Интернационал», что и очерк *Владимир Ильич Ленин* [Gor'kij 1920], а 14 августа 1920 г. его (за исключением фрагмента о Ленине) перепечатала парижская газета «Последние Новости» (№ 94, 3).

Продолжая полемику с Горьким, Бунин обращая внимание редактора «Таймс» и, соответственно, всех читателей на слова, формулировки, определения, которые использует Горький.

Допустим, – пишет Бунин, – что все эти слухи о людоедстве только «травля России» со стороны «буржуазных хищников», стремящихся Россию «задушить», в то время как соратники Горького так горячо пекутся о ней и любят «травить» только русских «буржуев», русских интеллигентов, русских мужиков и рабочих, не приемлющих коммунизма, русских священнослужителей, русских помещиков, русских домовладельцев и вообще всяких «контрреволюционеров и саботажников», убивая их десятками тысяч и всячески зверствуя над ними в «чрезвычайках» (...). Допустим, – говорю, – вздорность слухов о пальцах и китайцах: как, тем не менее, нравятся вам эти горьковские «еще» и «все-таки»? [Бунин 2001, 65].

Возмущение Бунина вызывает тон письма Горького, убеждающего европейцев, что «русские еще не дошли до каннибализма».

Какая в каждой строке этого письма серьезность, широта взглядов, просвещенность! – саркастически восклицает Бунин. – И вообще все так веско, внушительно, сурово и в то же время снисходительно, звучит то басом угрозы,

² «Общее Дело». 1921. 4 апреля, № 263, 2.

то октавой нежности, – «поверьте, дорогой Уэллс!» – то скромным напоминанием о своей мощи, – «не думаю, чтобы Европе удалось задушить нас, не забывайте об Азии!» – то мудрой объективностью: «я не закрываю глаза на отрицательные явления...». А главное – какое утешение всему человечеству! В русских супах *еще* не плавают человеческие пальцы (...) [Бунин 2001, 64].

Впрочем, Бунин не только спорит с Горьким. Он использует публичное выступление Горького в борьбе против большевиков. Само стремление Горького уличить английскую газету во лжи является свидетельством того, что подобное в «горьковской России» (Бунин несколько раз дает стране такое определение) возможно: заведомо неправдоподобную ложь не стоило бы и опровергать: «К позору всего этого человечества, известный русский писатель совершенно серьезно принужден доказывать, что на пространстве большевистского опытного поля, именуемого советской Россией, люди „*все-таки еще не дошли*” до пожирания себе подобных!» [Бунин 2001, 65].

Бунин не отказывает Горькому в праве именоваться русским писателем, но названная по имени писателя страна большевиков, «горьковская Россия», подчеркнуто противопоставляется подлинной России. Эту Россию можно было бы именовать «Бунинской», но такое определение в статье не используется: Бунин подчеркивает, что говорит не только от своего имени. На смену местоимению «мне», которое Бунин использовал в очерке *О Горьком*, приходит «мы». Бунин обвиняет большевиков и Горького не только от своего имени, но и от имени других русских писателей – умерших, погибших или изгнанных из России. Он вспоминает статью Леонида Андреева *S.O.S.*, опубликованную, в частности, Владимиром Бурцевым в газете «Общее Дело» 24 марта 1919 г., которая затем многократно перепечатывалась в эмиграции и была переведена на многие иностранные языки:

Еще крепче повторяю я, г. редактор, самое главное, самое страшное: да, да, мы, прочие русские писатели, тщетно кричавшие всему христианскому миру устами покойного Андреева: «Спасите наши души!» – мы, погибающие в эмиграции в несказанной муке за Россию, превращенную в необъятное Лобное Место, каменеющие в столбняке перед всем тем, чем горьковская Россия ужаснула и опозорила все человечество, мы, бежавшие из этой прекрасной страны, не будучи в силах вынести вида ее крови, грязи, лжи, хамства, низости, не желая бесплодно погибнуть от лап русской черни, подонков русского народа, поднятых на неслыханные злодейства и мерзости соратниками Горького, мы, трижды несчастные, с ужасом принуждены свидетельствовать, что совсем, совсем не так твердо уверены в том, в чем будто бы так уверен Горький [Бунин 2001, 65–66].

Отвечая своим открытым письмом на открытое письмо Горького, Бунин выступает как русский писатель, подчеркивая свое право говорить от имени России: «Мне, тоже русскому писателю, и Божией милостью не последнему сыну своей родины, не менее Горького знающему и любящему ее, письмо это все-таки не импонирует и делает некоторую крупную неловкость перед „дорогим Уэллсом”» [Бунин 2001, 64].

Открытое письмо превращается в обвинительное заключение, и Горький занимает место на скамье подсудимых. Если в одном ряду с Буниным «прочие русские писатели», то рядом с Горьким оказываются «новые „советские” писатели, эти поистине сказочные сверхнегодяи», которые пишут, обращаясь к Богоматери: «Ах, зачем ты не сделала аборт!» [Бунин 2001, 66]. Обратим внимание на то, что Бунин здесь не называет имен и, отсылая к одному конкретному произведению, тем не менее, использует обобщение «новые „советские” писатели». Затем к столь возмутившим его словам из поэмы Анатолия Мариенгофа «Магдалина», включенной в сборник *Явь*: «Кричу: „Мария, Мария, кого вынашивала! – / Пыль бы у ног твоих целовал за аборт!..” / Зато теперь: на распеленутой земле нашей / Только Я – человек горд» (М., 1919, 21), Бунин будет еще возвращаться не раз, используя ту же характеристику и прямо называя Мариенгофа: «Мариенгоф сверхнегодяй – это ему принадлежит, например, одна такая строчка о Богоматери, гнуснее которой не было на земле никогда» [Бунин 1927; 1998, 257]; «Мариенгоф был пройдоха не меньше его, был величайший негодяй, это им была написана однажды такая строчка о Богоматери, гнусней которой невозможно выдумать, по гнусности равная только тому, что написал о Ней однажды Бабель» [Бунин 1990, 178].

Дважды выступив против Горького, Бунин затем почти месяц не печатается: следующий его очерк *Красный гимн* газета «Общее Дело» помещает 24 октября 1920 г. (№ 101, 2). В этом произведении автор уступает место рассказчику: происходящее в России показывается глазами русского офицера, побывавшего в свое время в плену у Петлюры. Соответственно, в очерке нет и противопоставления писателя обличающего и писателя обличаемого, но от самого публицистического приема – резкого противопоставления прежнего и нынешнего – Бунин не отказывается. Столкновение это по-прежнему связано с текстами, только сравниваются в данном случае революционные гимны: «Марсельеза», «Интернационал» и новый «красный гимн», в роли которого, с точки зрения рассказчика и автора, должен выступать популярный городской романс: «Наберу я товарищей смелых // И разграблю я сто городов, // Раздобуду казны, самоцветов – // И отдам его все за любовь...» [Бунин 2001, 69–70].

Чужой текст, причем текст враждебный, становится источником отталкивания и в очерке *Пресловутая свинья*, опубликованном в «Общем Деле» 30 октября 1920 г. (№ 107, 2). Бунин комментирует публикации в «красных газетах», «случайно попавших в Париж через Гельсингфорс». *Пресловутая свинья* также во многом построена на цитатах, которые сопоставляются и комментируются автором. Писатель выступает в роли «нравственного камертона», а дополнением к петербургской (Бунин называет ее именно так) «Правде» за июль и август 1920 г. становятся «кочки дневника», который Бунин «воровски вел» в 1919 г. в большевистской Одессе и в котором содержится большое количество выписок из советских газет:

Трудно представить себе более скудный и паскудный трафарет. Все тот же осточертевший жаргон, все та же яростная долбня трех-четырёх мыслишек, все та же заборная грубость, все та же напыщенность самого низшего разбора, самый «высокий стиль» рядом с самой площадной бранью, все те же вопли, восклицательные знаки, аншлаги аршинными буквами, все та же превосходящая всякую меру наглость в лживости, которой пропитано буквально каждое слово, каждый призыв, каждый «лозунг», каждое сообщение, все та же разнузданная до тошноты хвастливость, все та же видимость бешеной деятельности, все та же страшная в своей маниакальности и в своей неукротимой энергии обезьяна, остервенело, с пеной у рта катающая чурбан, – и все та же гнусная и жуткая действительность, явствующая в каждой газетной строке и чуть не в каждом заголовке! [Бунин 2001, 73].

В публицистике Бунина тексты, повествующие о советской действительности и прославляющие ее, сами становятся ее отражением. Бунин характеризует не только содержание, но и форму высказываний – их грубость, напыщенность, лживость, хвастливость, крикливость и пр.

От общих оценок советских газет Бунин переходит к Горькому, излагая содержание первой статьи Горького из его цикла *Беседы о труде*, который печатался в «Красной Газете» и в газете «Петроградская Правда» 10 и 13 июля 1920 г. (отдельные положения этих статей приводила 30 июля 1920 г. газета «Последние Новости» в заметке «Горький критикует» (№ 81, 3)):

А среди всего этого, из глубины этого балагана, раздается от времени до времени наигранно-медлительный, то спокойно поучающий, то сурово распекающий бас Горького. Ведь нужно же ему показать, что он, невзирая на все свои хвалы «рабоче-крестьянской» России и ее властям, «не закрывает глаза на отрицательные явления» [Бунин 2001, 74].

Публикация Бунина в «Свободных Мыслях» получает неожиданное продолжение в ноябре. 1 ноября 1920 г. Василевский печатает в своей газете фельетон *Эмигрантская злость*, в котором выступает... в защиту Горького. Бунин в фельетоне не называется, но зато достается другим оппонентам Горького – Э. Гримму, чья статья появилась в софийской «России», Л. Галичу, выступившему в «Последних Новостях», Д. Философову, печатавшемуся в варшавской «Свободе», и даже А. Куприну, хотя его статья *Коммунизм, представленный сволочью* была опубликована самим Василевским в... «Свободных Мыслях».

Какую ожесточенную, мозолистую душу, какое заблудившееся, воистину безженское сердце надо иметь, чтобы до такой степени забыть, что дело идет о Максиме Горьком, чудесном писателе с огромными заслугами! – восклицал Василевский. – Откуда взялась она, вся эта ругань, это странное злорадство по адресу Максима Горького? Что это, старая русская любовь к крайностям: «Или ручку пожалуйста, или – в морду?» Думается, дело здесь не в одном только Горьком. Кто же не знает, что завязший в болоте большевизма М. Горький – в нынешнем положении своем – глубоко несчастный человек. Кто не знает, как бесцельно много пользы оказал и оказывает Горький русским писателям и ученым [Василевский 1920].

«Теперь он этим письмом, напечатанным в его же собственной газете, столь же безмерно возмущается... Нужны ли „комментарии“ к такой мелкой низости?» – замечал по этому поводу Бунин в апреле 1921 г. [Бунин 2001, 111].

В том же номере газеты, где появился фельетон *Эмигрантская злость*, был напечатан очерк Б. Соколова *Беседа с М. Горьким*. Эта «беседа» упоминается в постскриптуме к статье Бунина *Многогранность*, опубликованной в «Общем Деле» 5 ноября 1920 г. Статья Бунина является непосредственным откликом на адресованное Ленину и перепечатанное рядом эмигрантских изданий письмо Горького в защиту русских ученых и русской интеллигенции. Бунин отвечает не только Горькому, но и тем, кто защищал его:

Знаю, это ужасно скучно, что я опять о нем. Но что же делать? Влияние его очень велико, волею судеб – он очень известный русский человек, и вспомните, скольких сбил с толку его открытый переход к большевикам, его двухлетний и горячий труд плечом к плечу с «Владимиром Ильичом», с Петерсом, с Держинским, его акафисты советской власти! (...) После того – сколько раз развела рты почтенная публика благодаря Горькому! О, он хорошо знает нашу зыбкость и силу путания следов! Он знает, что значит к черту отшвырнуть все меры, все границы обычного, среднего: средний человек, привыкший к мере, непременно ошалевает, непременно растеряется [Бунин 2001, 77].

Вынужденный снова спорить с Горьким, Бунин использует тот же прием, что и прежде: он вновь «сталкивает» новейшие высказывания Горького с его бывшими суждениями. Разительные перемены в настроениях Горького Бунин связывает не с «многогранностью» писателя, к которому надо подходить с особой меркой, а с изменением политической ситуации. Когда кажется, что советская власть вот-вот рухнет, – Горький тут же стремится отмежеваться от коммунистов, когда положение большевиков упрочивается – Горький готов петь им хвалу:

И теперь уже сам черт не разберет, что он думает и исповедует: то русские мужики и рабочие – «дикари, хвастуны и лодыри», то они – «пламенные борцы»... То советская власть творит дивное, планетарное дело, то: «Я с белыми, а не с вами – мне, я вижу, не по пути с такими разбойниками... Раз вы избиваете мозг России, русскую интеллигенцию – до свидания, имею честь кланяться!» [Бунин 2001, 78].

Еще одним писателем, позиция которого вызывает у Бунина возмущение, является Герберт Уэллс. Пока Уэллс выступает в роли адресата писем Горького, Бунин ограничивается саркастическими выпадами в адрес английского писателя, указывая на то, что его, как и многих других, используют в целях большевистской пропаганды. Это и повторяющееся рефреном в *Супе из человеческих пальцев* горьковское обращение «дорогой Уэллс», и характеристика Уэллса как «любителя всего фантастического и странного» [Бунин 2001, 65], и деперсонализация Уэллса, использование фамилии Уэллс как универсального обозначения зарубежных адресатов Горького, которое становится устойчивым приемом, повторяясь в *Супе из человеческих пальцев* («невзирая на все его послания к Уэллсам» [Бунин 2001, 66] и в *Пресловутой свинье* («Так вещает Горький. И, слушая такие рацеи, всякий Уэллс должен понять, сколь мудр и объективен он» [Бунин 2001, 75]).

Однако после того как Уэллс выступает в защиту большевиков от своего имени, Бунин вступает с ним в прямую полемику. Поездка в Советскую Россию Уэллса, воспользовавшегося приглашением Л. Каменева, полученного во время их встречи в Лондоне в сентябре 1920 г., привлекла внимание многих европейцев [Николаев 2001b, 344–347]. Они получили возможность узнать о жизни страны, где властвовали большевики, не из информационных сводок, полемических статей и газетных передовиц, не из выступлений политиков и то ли подлинных, то ли сфабрикованных в редакциях газет писем из Москвы и Петрограда, а из уст одного из самых авторитетных писателей в мире, чьему слову верили, чье творчество являлось выражением мечты

о всеобщем счастье, гармонии и процветании. Русская эмиграция, впрочем, справедливо полагала, что писатель сможет увидеть лишь то, что ему захотят продемонстрировать советские вожди [Николаев 2001а, 18–19].

Эмигрантская пресса подробно освещала ход поездки Уэллса, используя информацию как советских, так и британских газет. И когда стало понятно, что Уэллс в своих высказываниях и корреспонденциях предстает в роли скорее защитника, чем противника большевиков, против него выступили самые авторитетные писатели русского зарубежья [Николаев 2001а, 19–22]. Ответом на очерки английского писателя и написанную на их основе книгу *Russia in the Shadows* стали статьи и фельетоны Д.С. Мережковского, М.А. Алданова, Дон-Аминадо, других известных журналистов и литераторов. Первым Уэллсу отвечает А.И. Куприн – его очерк *Два путешественника* газета «Общее Дело» публикует 24 октября. А 24 и 25 ноября в «Общем Деле» печатается большая статья Бунина *Несколько слов английскому писателю*.

Композиционно статья строится привычным для публицистики Бунина 1920 г. образом. Он начинает с большого количества цитат из статей Уэллса, выделяя курсивом то, на что следует обратить особое внимание:

Нельзя не отозваться на слова такого известного и, значит, влиятельного человека, как Уэллс, и вот я экстрактирую его статьи, чтобы резче выступил их ужасный, а порою смехотворный смысл, сжато повторяю их с определенной агитационной целью, – слушайте, слушайте, христиане, люди 20 века и цивилизованного мира, что говорится о России не одними нами, которых подозревают в пристрастии, но и знаменитыми англичанами! [Бунин 2001, 86]

Если цитаты из Горького сталкивались с другими его же высказываниями, то полемика с Уэллсом ведется иначе. Бунин и Горький – оба писали и говорили о своей стране, своем народе, своей культуре, оба пережили и переживали происходящее и, соответственно, оба имели право на суждения: именно поэтому Бунину важно было не просто противопоставить свои слова высказываниям Горького, а предоставить Горькому опровергать себя самому. Уэллс же выступает в статьях о России, по мнению Бунина, как турист из «цивилизованного» государства, приехавший в страну дикарей и изучающий ее с точки зрения путешественника, которого интересуют странные поступки и обычаи, даже если это обычаи людоедские. Стремящийся предстать в своих заметках «мудрым и всезнающим» Уэллс с «бессердечной элегичностью» тона повествует об увиденном в советской России, не чувствуя и не пытаясь почувствовать того, что испытывают «великие страдалцы» – «узники той людоедской темницы», куда, «непонятно легко для этих узников прогулялся он,

„свободный, независимый” гражданин мира, не идеального, конечно, но ведь все-таки человеческого, а не скотского, не звериного, не большевистского» [Бунин 2001, 86].

Свои чувства от суждений английского писателя Бунин описывает совсем иначе, нежели когда он говорит о Горьком. Услышанное возмущает его, «писателя русского, до глубины души», но в первую очередь Бунину «стыдно» за Уэллса. Эта неожиданная для читателя реакция сразу подчеркивает не только сарказм определений «мудрый и всезнающий», но и подтекст вынесенной в название формулы «английский писатель». Бунин не просто обращается к Уэллсу как русский писатель к английскому писателю. Английскому писателю-туристу, выступающему в роли стороннего наблюдателя, противопоставляется русский писатель, который умеет, чувствовать, страдать, сопереживать. И Бунину стыдно за Уэллса и как за человека, и как за писателя.

Бунин задается вопросом: что же кроется за статьями Уэллса – наивность, неосведомленность или что-нибудь другое? Он подозревает, что поездка Уэллса имеет и политическую задачу – оправдать политику английского правительства в отношении большевиков. Вновь, как и в открытом письме *Суп из человеческих пальцев*, Бунин напоминает, как «тщетно вопил к христианской Европе покойный Андреев: „Спасите наши души!”». Он отмечает, что от большевиков «бежали все имевшие возможность бежать, – ум, совесть, честь России», что «при их ханской ставке из всех русских писателей осталось почти одно отренье их да ваш „приятель”, скупающий на казенные деньги полуживые души и голодные животы русских интеллигентов для *этой подлой комедии с „энциклопедией”*» [Бунин 2001, 89]. Горькому в статье уделяется немалое внимание, но он не выступает здесь в роли писателя, равного Уэллсу или Бунину: Горький лишь помогает Уэллсу увидеть происходящее в России в нужном для него и для большевиков ракурсе:

Знаменитый писатель оказался в своих суждениях не выше любого советского листка, что он без раздумья повторяет то, что напел ему в уши Горький, хитривший перед ним и для блага Совдепии, и для приуготовления себе возможного бегства из этой Совдепии, дела которой были весьма плохи в сентябре [Бунин 2001, 86].

Прежде Бунин доказывал в своих статьях лживость и двуличность Горького, теперь он считает своим долгом опровергнуть утверждения Уэллса, который дело свое «исполнил все-таки чересчур неловко и даже комично», так что «в его рассуждениях, что ни слово, то перл, но он совсем не понимает, как жутки и даже кощунственны порою его смехотворные и наивные

замечания». Русский писатель выступает в защиту России: «Я обязан сказать кроме этого еще и то, что я, не 15 дней, а десятки лет наблюдавший Россию и написавший о ней много печального, все-таки от всей души протестую против приговоров о ней гг. Уэллсов» [Бунин 2001, 86].

Чуть ли не каждая строка, написанная Уэллсом, вызывает у Бунина негодование, но ему трудно опровергать все, сказанное английским писателем, и не потому, что слова Уэллса убедительны, а потому, что сердце русского писателя «охватывает такая боль, такая ярость», что хочется не мудрить, не спорить, а «только кричать, плакать от этой боли и от жажды нестерпимой мести!»

В заключительной части своей статьи Бунин уже не пытается взывать к разуму и к совести. Он проклинает, грозит скорым возмездием, и вера в грядущее воскресение неразрывно связана с верой в кару грядущую:

Любезный брат, мы не забудем вашего заявления, что мы достойны только тех висельников, у коих вы гостили 15 дней, что наши Врангели – «разбойники». Я пишу эти строки в дни наших величайших страданий и глубочайшей тьмы. Но взойдет наше солнце — нет среди нас ни единого, кто бы не верил в это! И тогда мы припомним вам, как унижали вы нас, как хулили вы имена, для нас священные! [Бунин 2001, 90].

Образ писателя здесь сближается с образом поэта-пророка, который призван «обходя моря и земли, глаголом жечь сердца людей», и само изгнание писателя начинает восприниматься как «миссия», о которой позже Бунин будет говорить в своей знаменитой речи *Миссия русской эмиграции*.

До конца 1920 г. Бунин опубликовал в газете «Общее Дело» еще три публицистических очерка – и в каждом из них основой для размышлений вновь становятся тексты. В первом очерке из цикла *Записная книжка* (27 ноября, № 135, 2) это полученное из Москвы письмо (здесь упоминается приятель, известный земский деятель и писатель) [Бунин 2001, 91–92], во второй *Записной книжке* (5 декабря, № 143, 2) – вышедший в ноябре первый номер парижского журнала «Современные Записки» и, в частности, напечатанные там статьи *На Родине* М.В. Вишняк и *Patriotica* Н.Д. Авксентьева. Бунин вновь упоминает Горького и Уэллса, а сам он в цитате из Авксентьева предстает как «большой русский писатель» (хотя Бунин отвечает на укоры Авксентьева) [Бунин 2001, 93–95]. И, наконец, в статье *Чехи и эсеры* (24 декабря, № 162, 2) Бунин ссылается на газету «Дело России» [Бунин 2001, 96–99].

Таким образом, можно сказать, что публицистические выступления Бунина 1920 г. строятся как реакция русского писателя на появившиеся

в печати тексты, причем тексты, о которых пишет Бунин, преимущественно не являются художественными. Это письма, в том числе «открытые», газетные и журнальные статьи. Бунин как публицист отвечает в 1920 г. на публицистику – в первую очередь другим «знаменитым» писателям – Горькому и Уэллсу. Рассматривая выступления в печати Горького и Уэллса как идеологически ангажированные пробольшевистские тексты, Бунин и в своих произведениях использует публицистические приемы, позволяющие максимально эффективно опровергать позицию противников – а он в данном случае является непримиримым противником Горького и Уэллса.

В очерках Бунина 1920 г. нет столкновения сложных образов, требующих знаний, – такого, к примеру, как в статье 1925 г. *Инония и Китеж* [Бунин 1998, 158–171]. В первых своих публицистических выступлениях эмигрантского периода Бунин, напротив, упрощает тексты, делает акцент на ярком и понятном любой аудитории противопоставлении большевиков и антибольшевиков. Большинство очерков построены на цитатах и комментариях к ним, причем часто цитаты занимают не меньше места, чем комментарии.

Бунин вступает в полемику, отталкиваясь от чужого текста, так что в статье присутствуют как бы два (или более) голоса: автор и контр-автор, причём высказывание контр-автора хронологически первично. Эти фрагменты чужого текста не просто включаются Буниным в новый контекст, они задают связь с текущим моментом. При этом высказывания самого Бунина носят не частный характер и не могут рассматриваться лишь как журналистская реакция на то или иное высказывание или событие. Причиной написания каждой из статей является общее стремление выступить в защиту России и против большевиков. Однако это не размышления о большевиках вообще, у каждого очерка есть конкретный информационный повод – они включены в контекст газетного номера (номеров), в газетную повестку.

Начиная сотрудничать в эмигрантской прессе в качестве публициста, Бунин не выступает в роли «приглашенной звезды», а занимает место в ряду других сотрудников. Но с читательской и с редакционной точки зрения имя Бунина на газетной странице играет важнейшую, определяющую роль в том, как воспринимаются тексты. И Бунин прекрасно понимает, что его подпись и даже небольшие его авторские комментарии играют огромную роль в идейном противостоянии, в пропагандистской войне, которую ведут большевики и их противники. Именно поэтому Бунин постоянно подчеркивает, что он выступает как писатель – и своим главным противником в публицистике 1920 г. видит другого великого русского писателя – Максима Горького. Естественно, Бунин никоим образом не подчеркивает значение

Горького как писателя, но само их противостояние показывает, что, с точки зрения Бунина, Горький – именно тот противник, значение и влияние которого требует бунинского, вмешательства.

Впоследствии, когда Горький окажется за границей, в публицистике Бунина появятся новые «противники» – и среди них Сергей Есенин и Владимир Маяковский, но в 1920 г. Маяковский упоминается лишь раз, да и то в качестве художника и подчеркнуто неиндивидуализированно в статье *Многогранность*: «Убьют или уморят, доведут до смерти физической или моральной Васнецова, Репина и тут же закажут компании каких-нибудь Маяковских „художественно“ размазать пятьсот дуг (по числу оставшихся на весь Петербург, еще не совсем околелых с голоду лошадей)» [Бунин 2001, 76].

Необходимо отметить, что в своих полемических статьях Бунин в 1920 г. вообще почти не обращается к художественным текстам, словно выводя Горького и Уэллса – главных «героев» его выступлений – за рамки литературы. Можно сказать, что в публицистике 1920 г. есть писатели, но художественная литература отсутствует. В обращении *Несколько слов английскому писателю* Бунин, отталкиваясь от созданного в статьях Уэллса образа советской России, саркастически пишет о том, что Уэллс поехал в страну, «где остались только прекрасные спички, хризантемы и поэзия советских поэтов», и затем еще раз акцентировано повторяет ту же комбинацию («Врангель, захватив Крым, т. е. одну крохотную частичку России, лишил всю Россию всего, всего, кроме советских поэтов, спичек и хризантем») [Бунин 2001, 86, 89], так что советские поэты и советская поэзия становятся частью мифологизированного образа большевистского «рая».

На литературные произведения советских поэтов Бунин ссылается лишь дважды. Это упомянутый в *Супе из человеческих пальцев* образ из поэмы Мариенгофа, которого Бунин не называет, и строка из стихотворения Малашкина *Портрет Ленина*, взятая Буниным из рецензии, опубликованной в «Правде»:

«Правда», разбирая с величайшей серьезностью его «новые достижения», только за одно немного журит его – за излишнее подражание Уитману. Он дерзко спрашивает о Ленине:

Кто же он? Сумасшедший?

Или просто нахал? –

и «Правда» с истинно идиотской наивностью замечает: «Прямого ответа на этот вопрос поэт не дает...» – а затем расшифровывает дерзкого «поэта»: «Поэт только намекает, что такой вопрос мог родиться в низких душах рабов, которые, изничтоженные величием фигуры Ленина, *шипя уползают во мглу, подобно кобрам...*»

Эти «кобры» и «мгла» – чем это хуже цыплячьего «визга», «красных львов» в лаптях или «пресловутой свиньи»?

В очерке *Пресловутая свинья* называется еще несколько «советских» писателей, однако это лишь перечисление имен:

Впрочем, подобные вольности разрешаются в «Правде» только знаменитым беллетристам и поэтам: Горькому, Князеву, Малашкину, Гастеву, Филипченко... Мы то, конечно, знаем только Горького да Князева из всей этой честной компании, да разве виноват Малашкин в нашей буржуазной отсталости от века! [Бунин 2001, 75].

В статье упоминается и Пролеткульт, но это не характеристика произведений пролеткультовцев, а объявление о грандиозном Абитур-Бале, устроенном в зале Пролеткульта, которое, правда, с точки зрения Бунина, прекрасно отражает содержание новой пролетарской культуры:

После спектакля призы: 1) за маленькую изящную ножку, 2) за самые черные глаза... Хор исполнит Интернационал... Товарищ Коррадо изобразит лай собаки, *визг* цыпленка, пение соловья и других животных вплоть до *пресловутой свиньи*... Киоски в стиле модерн, сбор в пользу безработных спекулянтов, *губки и ножки целовать в закрытом киоске*, красный кабачок, *шалости электричества*, котильон и серпантин, 2 оркестра советской музыки, усиленная охрана, свет обеспечен, разезд в 6 часов по *старому* времени, хозяйка – супруга командующего Третьей Советской Армией Мария Яковлевна Худякова...» (Клянусь честью, что я списываю буквально!) [Бунин 2001, 73].

С точки зрения Бунина, Пролеткульт – это лишь один из способов отвлечь внимание от творящихся в советской стране ужасов, от уничтожения русской культуры. Об этом он пишет в начале очерка *Многогранность*:

Вывесят крупнейшую вывеску: «Пролеткульт!» – и где же? – совсем рядом с десятью чрезвычайками, где всяческие представители русской культуры истязаются и убиваются денно и ночью (да не просто, а со вкусом, например, над клозетной чашкой) – и сделано дело: мы уже разинули рот, мы уже бормочем: – Нет, знаете, в этом-то *им* надо отдать справедливость, о культуре-то они заботятся! [Бунин 2001, 76].

Позже Бунин будет в своей публицистике полемизировать с художественными текстами советских писателей, начнет уделять существенное внимание творчеству «советских» поэтов, но пока он считает их влияние незначительным и поэтому в 1920 г. борется в первую очередь против общественно-политических заявлений Горького.

Библиография

- Bunin I.A. 1927. *Samorodki*. «Vozroždenie» 11 avgusta, № 800: 2–3 [Бунин И.А. 1927. *Самородки*. «Возрождение» 11 августа, № 800: 2–3].
- Bunin I.A. 1990. *Okañnye dni. Vospominaniã. Stat'i*. Sost., podg. teksta, pred. i prim. Baboreko A.K. Moskva: Sovetskij pisatel' [Бунин И. А. 1990. *Окаянные дни. Воспоминания. Статьи*. Сост., подг. текста, пред. и прим. Бабореко А.К. Москва: Советский писатель].
- Bunin I.A. 1998. *Publicistika 1918–1953 godov*. Red. Mihajlov O.N. Kommentarii Morozova S.N., Nikolaeva D.D., Trubilovoj E.M. Moskva: IMLI RAN-Nasledie [Бунин И.А. 1998. *Публицистика 1918–1953 годов*. Ред. Михайлов О.Н. Комментарии Морозова С.Н., Николаева Д.Д., Трубиловой Е.М. Москва: ИМЛИ РАН-Наследие].
- Bunin I.A. 2000. *Publicistika 1918–1953 godov*. Red. Mihajlov O.N. Kommentarii Morozova S.N., Nikolaeva D.D., Trubilovoj E.M. Moskva: Nasledie [Бунин И.А. 2000. *Публицистика 1918–1953 годов*. Ред. Михайлов О.Н. Комментарии Морозова С.Н., Николаева Д.Д., Трубиловой Е.М. Москва: Наследие].
- Bunin I.A. 2001. *Soçineniã: Noç' otreçeniã*. Red. Nikolaev D.D. Moskva: Lakom-kniga (Literatura russkogo zarubež'ã ot A do Å) [Бунин И.А. 2001. *Сочинения: Ночь отречения*. Ред. Николаев Д.Д. Москва: Лаком-книга (Литература русского зарубежья от А до Я)].
- Bunin Iwan. 2013. *Wciãż smutno wierzę w swoje szczęście...* Red. Ndiaye I.A. i Ojcewicz G. Olsztyn: Instytut Słowiañszczyzny Wschodniej UWM.
- Gor'kij M. 1919. *Vçera i segodnã*. «Kommunističeskij Internacional» № 1, Maj: 29–30 [Горький М. 1919. *Вчера и сегодня*. «Коммунистический Интернационал» № 1, Май: 29–30].
- Gor'kij M. 1920. *Pis'mo k Uëllsu*. «Kommunističeskij Internacional» № 12: 2208–2209 [Горький М. 1920. *Письмо к Уэллсу*. «Коммунистический Интернационал» № 12: 2208–2209].
- Vasilevskij I.M. 1920. *Èmigrantskaã zlost'*. «Svobodnye Mysli» 1 noãbrã, № 7: 2 [Василевский И.М. 1920. *Эмигрантская злость*. «Свободные Мысли» 1 ноября, № 7: 2].
- Merežkovskij D.S. 1920. *Merežkovskij o bol'shevikah*. «Obšee Delo» 23 marta, № 66: 1 [Мережковский Д.С. 1920. *Мережковский о большевиках*. «Общее Дело» 23 марта, № 66: 1].
- Nikolaev D.D. 1995. *Proza I. Bunina pervoj poloviny 1920-h godov*. V: I.A. Bunin i russkaã literatura XX veka. Moskva: Nasledie: 151–167 [Николаев Д.Д. 1995. *Проза И. Бунина первой половины 1920-х годов*. В: *И.А. Бунин и русская литература XX века*. Москва: Наследие: 151–167].
- Nikolaev D.D. 2001a. *Missiã russkogo pisatelã*. (*Tvorčestvo I.A. Bunina 1920–1923 gg.*). V: Bunin I.A. 2001. *Soçineniã: Noç' otreçeniã*. Red. Nikolaev D.D. Moskva: Lakom-kniga (Literatura russkogo zarubež'ã ot A do Å): 5–60 [Николаев Д.Д. 2001а. *Миссия русского писателя*. (*Творчество И.А. Бунина 1920–1923 гг.*). В: Бунин И.А. 2001. *Сочинения: Ночь отречения*. Ред. Николаев Д.Д. Москва: Лаком-книга (Литература русского зарубежья от А до Я): 5–60].
- Nikolaev D.D. 2001b. *Kommentarii*. V: Bunin I.A. 2001. *Soçineniã: Noç' otreçeniã*. Red. Nikolaev D.D. Moskva: Lakom-kniga (Literatura russkogo zarubež'ã ot A do Å): 327–444 [Николаев Д.Д. 2001б. *Комментарии*. В: Бунин И.А. 2001. *Сочинения: Ночь отречения*. Ред. Николаев Д.Д. Москва: Лаком-книга (Литература русского зарубежья от А до Я): 327–444].

Summary

The image of the writer in the works of Ivan Bunin in 1920

The image of the writer plays an important role in the publicist works of Ivan Bunin in 1920. It is the image of the author struggling against the Bolsheviks, and the image of those writers who helped the Bolsheviks propaganda as well as “new Soviet writers”. In 1920 Bunin as the most significant writer of the Russian Diaspora focuses on the most famous writer among those who, according

to Bunin, supports the Bolsheviks – Maxim Gorky. Bunin also pays close attention to the controversy with H.G. Wells: this is due to the role that the English writer played in the context of Soviet Russia. Bunin's works in 1920 are written as a reaction of the Russian writer to the various texts published in the press, and the discussion with the works of his main opponents – Gorky and Wells.

Key words: Russian emigration, Ivan Bunin, Maxim Gorky, H.G. Wells, propaganda, image of the writer, Russian revolution, Civil war